

Она хороша собой, покладиста и так заботится о Цай Сяовэнь... Су Ю провела пальцем по кончику носа, беззаботно придвинула табурет поближе к Маленьким Рожкам и, склонив голову, принялась разглядывать её со всех сторон.

— Сколько у тебя дома... голов скота?

— Ты с ума сошла! — выкрикнула Фэнлин и, не раздумывая, схватила Су Ю за руку, вытаскивая её из комнаты.

Наконец-то всё стихло. Цай Сяовэнь, умытая до блеска, забралась на кровать к Су Ю. В этот раз она не стала делить одеяло — она просто уткнулась Су Ю в грудь. А та... уже давно дрожала.

Заметив странное поведение Су Ю, Цай Сяовэнь с беспокойством спросила:

— Старшая сестра, тебе холодно?

В её глазах всё ещё стояли слёзы, и они блестели, как у щенка, который только научился бегать.

— Нет... не холодно... — Испуг прошёл, лицо Цай Сяовэнь снова порозовело, она была тёплой, как грелка, так что Су Ю никак не могла замерзнуть. Причина дрожи была такой, о которой нельзя говорить, нельзя и всё тут.

Цай Сяовэнь закрыла глаза, потерлась щекой о Су Ю и прошептала:

— Хорошо, что ты есть... Спасибо, старшая сестра...

Су Ю впервые в жизни довелось почувствовать, как кто-то трётся о её грудь. Мало того, этот человек, закончив тереться, просто зарылся лицом в её одежду... В этот момент Су Ю хотелось прибить кого-нибудь, разорвать корзину с рукоделием Фэнлин, избить торговку на ночном рынке и оторвать маленькие рожки Маленьким Рожкам. Но больше всего ей хотелось вышвырнуть эту комариху из своей постели... Однако она лишь склонила голову и легонько коснулась лбом лба девушки, выдавив из себя два слова:

— Не бойся.

Прижавшись к Су Ю, Цай Сяовэнь больше не боялась. Она так устала от пережитого страха, что, уткнувшись в мягкую грудь, быстро провалилась в сон. В полудреме она бормотала искренний, но бессвязный бред:

— Старшая сестра... такая надежная... словно... словно кормилица...

Кормилица... Посмотрела бы она, что у неё там над головой!

Цай Сяовэнь крепко спала, её дыхание было ровным и тихим. Но Су Ю не спала — её сознание было кристально ясным. За окном беззвучно падал снег, укрывая ночной мир. Лишь тусклый лунный свет пробивался сквозь оконную решетку. Су Ю, которую сравнили с кормилицей, ничуть не рассердилась, а лишь крепче обняла Цай Сяовэнь. Она разглядывала её в неясном свете луны, и взгляд её становился всё более пьянящим... Волосы Цай Сяовэнь расплелись и разметались по щекам, руки были сложены на груди, она выглядела такой послушной. Су Ю смотрела на её покрасневшие, словно яблоки, щеки и, не выдержав, наклонилась и легонько укусила её за щеку.

Хрусть... — мысленно озвучила Су Ю, представляя, что грызёт яблоко. Цай-Яблочко во сне даже не подумала проснуться, лишь тихонько хмыкнула и сильнее прижалась к Су Ю. Этот тихий звук отозвался в самом сердце Су Ю. Сердце затрепетало, а тело окаменело. Поволновавшись немного и убедившись, что Цай Сяовэнь не собирается просыпаться, Су Ю снова прильнула к ней и дрожащими губами поцеловала то самое место, которое только что укусила. Едва коснувшись щеки, Су Ю отпрянула, словно обожглась, затем крепко обняла девушку и беззвучно рассмеялась, не в силах сдержать восторг... После этого глупого веселья её наконец сморил сон, и они уснули в объятиях друг друга. С того дня в сердце Су Ю поселилось наваждение, и отступить она уже не могла...

Пока эти двое спали в обнимку, наступил следующий день. У Маленьких Рожек голова больше не кружилась и не болела, так что все разошлись по домам, и история закончилась всеобщим благополучием. А вот в большой бане в Персиковой роще всё было не так гладко.

Ли Ацяо была в недоумении. Она никак не могла понять, почему после появления Маленькой Обезьянки у неё стало меньше клиентов. Большинство девушек требовали, чтобы их терла именно Маленькая Обезьянка. Но ведь та не умела толком тереть и не обладала большой силой, так почему она была так популярна? С этой мыслью Ли Ацяо, делая вид, что оттирает плитку у бассейна, крутилась рядом с Хоу Чжуньэр, которая как раз обслуживала клиентку.

Хоу Чжуньэр, одетая в простую короткую рубашку, заигрывала с посетительницей:

— Как вас зовут, красавица? Чем занимаетесь? — Силы у неё действительно было мало, она долго терла кожу, но та даже не покраснела.

Девушку, которую терла Хоу Чжуньэр, это, похоже, не смущало, и она весело отвечала:

— Меня зовут Чжао, я торгую лепешками. Слышала, ты умеешь писать стихи, сочини что-нибудь про меня.

— Хорошо... — Хоу Чжуньэр немного подумала и хлопнула себя по груди: — Готово! В Великой Сун еда славится веками, лепешки Чжао повсюду знают сами. Аромат летит, манит народ, даже У Далан их не превзойдет.

— А кто такой У Далан?

— Ты не знаешь У Далана? Это самая известная лавка лепешек в столице. А у хозяина ещё есть

жена по фамилии Пань...

— Значит, хвалишь мои лепешки?

— Хвалю, конечно, хвалю...

Не успела Хоу Чжуньэр договорить, как другая девушка, ожидавшая очереди, нетерпеливо вмешалась:

— Я торгую чайными яйцами, сочини и мне! Я больше всего люблю Чу... как его... Чу Ци! Сочини мне что-нибудь в стиле Чу Ци!

— А я хлопок чешу, хочу стихи эпохи Тан!

Ли Ацяо, сжимая в руках тряпку, молча отошла в сторону. На душе было очень грустно. Вот уж правда: когда нужно блеснуть знаниями, жалеешь, что мало учился. С самого основания династии Сун ценились литература и искусство, и теперь без образования даже в бане было нелегко. Ли Ацяо считала, что она — самая образованная в бане, не считая двух управляющих, но эта новенькая Маленькая Обезьянка оказалась куда умнее: в свободное время она постоянно читала книги, которые Ли Ацяо не понимала, да ещё и стихи сочиняла. Раньше благодаря мастерству и силе она была лучшей банщицей, а теперь место первой банщицы вот-вот ускользнет к этой Обезьянке. Она чувствовала огромное давление.

Отступая, она наткнулась на девушку. Та с полотенцем в руках озиралась по сторонам, словно кого-то искала. Ли Ацяо без энтузиазма спросила:

— Потереть спину?

— Да.

— Любишь стихи?

— Стихи? Я неграмотная, никогда не читала эту ерунду. Что, здесь нужно разбираться в стихах, чтобы потереть спину?

Глаза Ли Ацяо загорелись, она засуетилась:

— Тогда я тебя помою!

Девушка бросила взгляд на выдающиеся формы Ли Ацяо, поморщилась, прикрыла правой рукой свою маленькую грудь, а левой указала на Хоу Чжуньэр и гордо заявила:

— Я подожду, пока меня помоем та, у которой грудь поменьше.

Иногда большая грудь — это ошибка... Ли Ацяо, считавшая себя образованной, этого не понимала и с полным багажом вопросов отправилась в переднюю делать массаж стоп. Когда она вернулась в зал, Хоу Чжуньэр уже мыла ту самую девушку и рассуждала о пользе маленькой груди: мол, и ткани на одежду меньше уходит, и ходить легче, и при работе ничего не трясется... Девушка согласно кивала:

— Маленькая грудь — это действительно хорошо!

В обеденный перерыв Ли Ацяо с умыслом села рядом с Хоу Чжуньэр и, по обыкновению, переложила половину своей порции мяса ей в миску. Хоу Чжуньэр поспешно отстранилась:

— Не надо, оставь себе, сама ешь. Мне моего вполне хватает.

Ли Ацяо не послушала и силой добавила мясо:

— Ты слабая, тебе нужно хорошо питаться, чтобы набраться сил.

Хоу Чжуньэр была так тронута, что не знала, что сказать. Чтобы скрыть навернувшиеся слёзы, она открыла лежавшие на коленях «Чуские строфы» и уткнулась в книгу, делая вид, что усердно занимается.

Ли Ацяо ела, украдкой поглядывая на Хоу Чжуньэр, и долго не решалась заговорить. Когда в миске не осталось ни зернышка, она наконец набралась решимости спросить. Она сделала вид, что ей всё равно, и спросила как бы невзначай:

— Маленькая Обезьянка, как тебе удастся заставить всех клиентов выбирать именно тебя?

Хоу Чжуньэр закрыла книгу, проглотила кусок еды и, повернувшись к Ли Ацяо, улыбнулась:

— Знание — сила.

Поняла Ли Ацяо эти слова или нет, но обеденный перерыв пролетел в одно мгновение. Днем посетителей было много, обе банщицы были заняты и не могли поболтать. Лишь когда спустились сумерки, стало свободнее. Все клиенты разошлись, остались только те, кто отдыхал в передней. Ли Ацяо и Хоу Чжуньэр вместе мыли бассейн. Едва они начали, Хоу Чжуньэр вспомнила о важном.

— Ацяо.

— М? — Ли Ацяо работала быстро, и плитка под её руками уже блестела.

— В праздники я не буду работать.

Ли Ацяо тут же выпрямилась и с изумлением посмотрела на неё:

— Почему?! В праздники платят двойную ставку, да и чаевых много, это же самое лучшее время, почему не будешь?!

— Потому что... — Если бы Хоу Чжунъэр осталась работать в праздники, её мать сошла бы с ума от беспокойства, а отец пришел бы в ярость, но об этом она не могла рассказать Ацяо. — Хочу отдохнуть.

— Отдохнула бы после праздников! Заработай как следует сейчас, и весь следующий год будешь жить спокойнее. — Ли Ацяо не понимала её мыслей и искренне за неё переживала.

— Нет, я всё равно не буду работать.

Видя, что Хоу Чжунъэр упускает такой шанс, Ли Ацяо разозлилась:

— Ну как ты можешь быть такой неразумной! Не заработаешь сейчас — в следующем году придется тяжело, разве это хорошо для твоего здоровья?!

— ... — Столкнувшись с такой заботой, красноречивая Хоу Чжунъэр не смогла вымолвить ни слова.

— Ты правда не будешь работать?

— М... А! — Не успела Хоу Чжунъэр договорить, как Ли Ацяо бросилась к ней, схватила за руки и одним приемом через бедро швырнула в бассейн. Воду из него ещё не слили. С громким всплеском Хоу Чжунъэр ушла на дно.

В это время в передней кто-то спросил Хоу Чжунъэр. Полотер, желая выслужиться, прокричал:

— В бассейне! Маленькую Обезьянку, госпожу Хоу... кто-то ищет!

Ли Ацяо посмотрела на Хоу Чжунъэр, которая барахталась в горячей воде, пытаясь встать, и сердито ответила:

— Госпожа Обезьянка тонет!

Дни шли своим чередом, и наконец настал Новый год. Сегодня был канун праздника. Вечером Су Ю тщательно нарядилась в новое платье перед медным зеркалом. В этом году дела в гончарной лавке Су шли отлично, и Су Ю, желая порадовать себя, потратила восемьдесят восемь серебряных монет на халат из парчи «шу» с кроличьим мехом. Мех был с горы Лушань, а стоил он целое состояние. Столь дорогая одежда делала Су Ю ещё краше. Поправив каждую складку, она вместе с Фэнлин, которая тоже была в новом наряде, вышла из дома и направилась к Мэн Цзыиню.

Канун Нового года — время семейного единения, почему же они шли к Мэн Цзыиню? Дело в том, что ни семья Су, ни семья Цай не были местными и родственников в Юйфэне не имели. Родители Мэн Цзыиня давно умерли, а сам он был единственным сыном, поэтому в праздники в его доме было особенно одиноко. Вот они и собирались каждый год у него, чтобы вместе встретить праздник.

Су Ю вошла в дом и увидела, что госпожи Су и мастера Цая ещё нет. Цай Сяовэнь лежала на столе и играла с Мэн Цзыинем в «кошачью колыбельку». Мэн Цзыинь был человеком простым и не знал, как общаться с такой красавицей, как Су Ю, поэтому с Цай Сяовэнь ему было проще. А Цай Сяовэнь прекрасно знала, как вести себя со старшей сестрой: увидев Су Ю, она соскочила со стола. Она так резко дернула рукой, что Мэн Цзыинь чуть не упал.

— Старшая сестра!

— О, моя Маленькая Комариха! — После той ночи Су Ю уже мысленно присвоила Цай Сяовэнь себе. Цай Сяовэнь стала для неё такой же ценностью, как золото и серебро, к которой никому нельзя прикасаться. Увидев Цай Сяовэнь в ярко-красном зимнем халате, Су Ю потеряла голову и выпалила то, что было на уме.

— Кто это Маленькая Комариха! — Цай Сяовэнь, как всегда, не поняла сути, весело схватила Су Ю за руку и, потянув её за собой, сказала Мэн Цзыиню: — Старший брат, мы с сестрой пойдем готовить ужин, постараемся успеть до прихода папы и госпожи Су. — Су Ю даже не успела поздороваться, как Цай Сяовэнь утащила её на кухню.

— С каких это пор они стали такими дружными? — Мэн Цзыинь улыбнулся и покачал головой.

На кухне Танъюань мыла мясо. Услышав шаги, она подняла голову и увидела Фэнлин, которая строила рожи за спинами Су Ю и Цай Сяовэнь. Танъюань отложила мясо и направилась к выходу, бросив Цай Сяовэнь:

— Мы с Фэнлин пойдем накроем на стол.

Су Ю была только рада, что они ушли. Цай Сяовэнь отпустила её руку и подбежала к пароварке.

— Готово! Старшая сестра, неси тарелку. Булочки готовы. — Она открыла крышку, и в воздух ударил пар. Су Ю подошла с тарелкой, ожидая, как собачка, которой дают лакомство.

Цай Сяовэнь разложила булочки. Пять штук, полная тарелка.

— Это я для тебя приготовила. Ешь, а то на ужине проголодаешься.

Цай Сяовэнь была так заботлива, что Су Ю захотелось снова её укусить. Она протянула руку, схватила булочку и откусила большой кусок!

— М-м... горячо! М-м...

— Вкусно? Мясо я мариновала в вине. — Цай Сяовэнь с гордостью смотрела, как Су Ю уплетает вторую булочку.

— Вкусно... Маленькая Комариха такая мастерица, я как раз проголодалась... Кстати, почему мамы и папы нет? Они же должны были прийти раньше?

— Пришли. Но соседи позвали их сыграть в маджонг. Сказали, что вернутся к ужину.

— ...Какая же у них тяга к игре. Неужели маджонг так интересен?

— Не знаю, лишь бы они наши красные конверты не проиграли. Помой овощи, пока я занята.

Су Ю проглотила последний кусок, отложила тарелку и хотела было помочь, но вспомнила про свой дорогой халат и... вытерла руки о новый красный халат Цай Сяовэнь.

— М? Ты чего делаешь?

Наступила ночь, время самого важного ужина в году. Мэн Цзыинь с сестрами поклонились родителям, получили красные конверты и весело отпраздновали Новый год. После ужина ночь стала глубокой, но весь город не спал. По традиции Юйфэна, в канун Нового года нужно было обязательно сходить в баню, чтобы смыть неудачу. А вот в первый день года мыться было нельзя — чтобы не смыть богатство. Начиная со второго дня запретов уже не было, и люди охотно тратили деньги на горячую воду, чтобы расслабиться после тяжелого года. Вот почему Ли Ацяо говорила, что праздники — лучшее время для заработка.

Су Ю и остальные решили последовать традиции и отправились в ближайшую баню. Мастер Цай, увидев, что госпожа Су идет впереди, проворчал:

— Обязательно нужно быть впереди всех. Даже в баню лезут первыми.

К удивлению всех, госпожа Су не стала огрызаться, а остановилась, слегка поклонилась и с улыбкой сказала:

— Мастер, прошу, проходите первым.

Неужели эта старуха изменилась?... — подумал мастер Цай, но вслух буркнул: — Раз прошу, так пройду... Эй! Тьфу! — Едва он шагнул вперед, как рядом взорвались петарды, и дым окутал его с ног до головы. — Тьфу... Старуха Су, какая же ты коварная!

Госпожа Су невинно развела руками:

— В такой день нужно быть добрее, ты же сам хотел идти первым.

Су Ю прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться, и вдруг заметила, что Цай Сяовэнь исчезла. Она оглянулась и увидела её за своей спиной — та съежилась и дрожала.

— Сяовэнь?

— Петарды... слишком близко. Слишком громко... — Цай Сяовэнь боялась громких звуков. Больше всего — петард, потом фейерверков, потом хлопушек. Для неё выход в город в Новый год был одновременно и радостью, и пыткой. Видя её испуг, Су Ю поняла, что это подарок судьбы. Она взглянула на ушедших вперед родителей и Мэн Цзыиня и заикаясь предложила:

— Может... может, ты... будешь держаться за мой пояс?

Не успела она договорить, как сзади послышался голос:

— Су Ю!

— А? Господин Ху! Вы тоже в баню? — Господин Ху был секретарем уездного управления, и Су Ю не раз имела с ним дело.

— Какая баня... я с ног валюсь! — Господин Ху пробрался к ним, тяжело дыша. — В такой праздник... ни дома никого, ни у Цаев, ни у Мэнов... знал бы, подождал вас у бани...

— Почему вы не празднуете дома, а ищите нас?

— Я... я не тебя ищу. Я ищу Цай Сяовэнь.

Цай Сяовэнь, которая думала, что чиновники ищут Су Ю, хотела было отойти подальше от шума, но, услышав свое имя, замерла:

— Меня?

Господин Ху поднял правую руку со свитком:

— Видите цвет ткани? Из императорского дворца! Особый указ принцессы! Приказано было передать до Нового года. Все чиновники ушли по домам, пришлось мне самому бежать... Кхм, Цай Сяовэнь, слушай указ!

Цай Сяовэнь всё ещё пребывала в замешательстве. Су Ю же, поняв, в чем дело, пришла в восторг, схватила её за рукав и прошептала:

— На колени падать?!

— Не нужно, не нужно, — замахал руками господин Ху. — Это не императорский указ, а лишь уведомление. — Он прочистил горло и развернул свиток: — Второе лето эры Цзяю, указ принцессы: присвоить гончару из Юйфэна Цай Сяовэнь звание государственного гончара. Со следующего года Цай Сяовэнь будет поставлять керамику в государственную палату. — Господин Ху с гордостью обратился к прохожим: — В нашем знаменитом городе гончаров теперь два государственных мастера! Радуйтесь! — Прохожие зааплодировали. Больше всех радовалась Су Ю. И только Цай Сяовэнь стояла в полном недоумении, не понимая, что происходит. Она взяла свиток, осмотрела его и пробормотала:

— За что... может, ошиблись?

Господин Ху не расслышал, а Су Юхватила свиток из рук Цай Сяовэнь, вернула его секретарю, низко поклонилась и взволнованно воскликнула:

— Благодарю за милость принцессы! — Затем она снова поклонилась господину Ху: — Спасибо вам!

<http://bllate.org/book/18936/1855606>